

ОБРАЗ ЕВРОПЫ В ВОСПОМИНАНИЯХ М.Ф. КШЕСИНСКОЙ И Т.П. КАРСАВИНОЙ

УДК 821.161.1

<http://doi.org/10.2441/2310-1679-2024-152-119-127>

Елена Вячеславовна ПАПИЛОВА,

кандидат филологических наук, доцент,

Российский государственный университет нефти и газа

(национальный исследовательский университет) им. И.М. Губкина,

e-mail: llennochka@mail.ru

Аннотация: М. Ф. Кшесинская и Т. П. Карсавина – балерины, чьи имена в начале XX в. гремели в России и далеко за ее пределами. В их судьбах много общего. Обе активно гастролировали по Европе – как в составе «Русских сезонов» С. П. Дягилева, так и с сольными выступлениями, одну за другой покоряя лучшие сцены Европы. Обе эмигрировали после Революции 1917 г. и долгие годы прожили за границей. Обе оставили воспоминания, интересные описываемыми событиями их жизни и обладающие несомненными художественными достоинствами. В статье анализируется образ Европы в воспоминаниях двух балерин («Воспоминания» Кшесинской и «Театральная улица» Карсавиной). Автор выявляет стереотипы восприятия балеринами Европы, отслеживает динамику их изменений.

Ключевые слова: Кшесинская М.Ф., Карсавина Т.П., воспоминания, эмиграция, образ Европы, имагология.

Для цитирования: Папилова Е. В. Образ Европы в воспоминаниях М. Ф. Кшесинской и Т. П. Карсавиной // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2024. №1 (52). С. 119–127. <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2024-152-119-127>

THE IMAGE OF EUROPE IN THE MEMOIRS OF M. F. KSCHESSINSKA AND T. P. KARSAVINA

Elena V. Papilova,

CSc in Philology, Associate Professor,

I.M. Gubkin Russian State University of Oil and Gas

(National Research University),

e-mail: llennochka@mail.ru

Abstract: Mathilde Kschessinska and Tamara Karsavina are ballerinas whose names were world-famous in the early 20th century. Their destinies have much in common: both actively toured around Europe – both with Diaghilev's "Ballets Russes" and with their solo performances, conquering the best European stages one after another. They both emigrated after the Revolution in 1917 and lived long years abroad. They both left memoirs with very interesting events described in them and both of which undoubtedly possess artistic value. In this article the author analyzes the image of Europe in the memoirs of the two ballerinas ("Memoirs" by Kschessinska and "The Theatre Street" by Karsavina). The author reveals the stereotypes of their Europe's perception and traces the dynamics of this perception's change.

Keywords: Mathilde Kschessinska, Tamara Karsavina, memoirs, emigration, image of Europe, imagology.

For citation: Papilova E. V. The Image of Europe in the Memoirs of M. F. Kschessinska and T. P. Karsavina. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts.* 2024, no. 1 (52), pp. 119–127. (In Russ.). <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2024-152-119-127>

Творческие контакты России с Европой достигли в начале XX века наивысшего развития. Это связано, прежде всего, с деятельностью Сергея Павловича Дягилева, который поставил перед собой задачу «показать Европе Россию» [9, с. 307]. Его антрепризу «Русские сезоны» (1908–1921), начавшуюся с выставок русских художников «Мир искусства» и продолжившуюся избранными русскими операми (прежде всего – «Борис Годунов»), ждал неописуемый успех, когда европейцам был представлен русский балет. Целая плеяда выдающихся танцовщиков (А. П. Павлова, М. Ф. Кшесинская, Т. П. Карсавина, М. М. Мордкин, В. Ф. Нижинский, Б. Ф. Нижинская, М. М. Фокин, Г. Г. Кякшт, Л. Г. Кякшт, С. А. Астафьевая, Е. В. Гельцер, Л. Ф. Шоллар, Л. В. Лопухова, Л. Н. Егорова, В. А. Трефилова, П. Н. Владимиров и др.) покорила лучшие сцены Европы. Всюду русских артистов ждали овации, цветы, награды и восторженные отзывы прессы. Более десяти лет успех «Русских сезонов» в Европе оставался неизменным.

Матильда Феликовна Кшесинская и Тамара Платоновна Карсавина оказались не только талантливыми балеринами, но и одаренными писательницами. Обе оставили воспоминания, охватывающие большую часть их жизни – от детства и начала занятий балетом до их признания во всем мире. Эти воспоминания, написанные живым, образным языком и хорошим стилем, представляют собой великолепный пример эмигрантской мемуарной прозы первой половины XX в. В них правдиво отражены обстановка царской России начала века, революционные волнения, бегство за границу и адаптация к жизни там. Сначала – частые гастроли, позже – жизнь в эмиграции позволили балеринам познакомиться со множеством стран, сформировать свое представление о них, что делает воспоминания насыщенными имагологической информацией, т. е. информацией о восприятии чужих стран и культур.

В биографии двух балерин много общего: одна эпоха (годы жизни Кшесинской – 1872–1971, Карсавиной – 1885–1978), одно учебное заведение – Императорское Театральное училище (ныне – Академия Русского балета им. А. Я. Вагановой), общая преданность искусству, слава, востребованность, вынужденная эмиграция и адаптация в чужой стране. Обе воспитывали сыновей и открыли в «удочеривших» их странах танцевальные студии, где обучали детей русскому балету, прогремевшему по всему миру. Обе, наравне с Анной Павловой, оставили большой след в развитии балета в Европе, о чём не раз писали отечественные исследователи [1; 2; 6; 7;

10]. Кшесинская закончила свои «Воспоминания» в конце 1950-х гг., они были впервые изданы на французском языке (хотя написаны на русском) в Париже в 1960 г., в России – лишь в 1992 г. Воспоминания Карсавиной «Театральная улица» (обязанные своим названием улице, на которой в Петербурге находилось Театральное училище) были написаны по-английски в 1929 г., переведены и изданы в Ленинграде впервые в 1971 г.

Европа в воспоминаниях Кшесинской

Кшесинская меньше, чем Карсавина, участвовала в антрепризе Дягилева, предпочитая выступать в России или по индивидуальным приглашениям за границу. И все же стран, о которых она оставила воспоминания, немало. В 1901 вместе с тогда еще своим неофициальным супругом, великим князем Андреем Владимировичем Романовым, и с женой брата Серафимой Астафьевой (также балериной) она едет в Италию. Они посещают Венецию, Падую, Геную, Флоренцию, Пизу, Ассизи, Перуджу и Рим. Как и на большинство туристов, «чарующее впечатление» [5, с. 114] на нее производит Венеция с ее Большим каналом (Канале Гранде), черными гондолами, доносящимися с них звуками пения, силуэтами соборов, залитых лунным светом. В Падуе католичка Матильда приходит поклониться св. Антонию Падуанскому, которому она «всегда молилась, в особенности когда что-либо теряла» [5, с. 114]. В Риме они проводят две недели, утром осматривая музеи, а днем совершая прогулки. Римская старина производила на туристов такое впечатление, что по вечерам они «забавлялись тем, что переодевались римлянами, <...> устраивая импровизированные маскарады» [5, с. 115].

В начале 1903 г. Кшесинская получила приглашение выступать в течение 6 недель в Королевском театре Вены (в это время в России шел Великий пост, и театры были закрыты). Кшесинская вспоминала: «Вся труппа встретила меня аплодисментами. Я была глубоко тронута этим приемом» [5, с. 128]. На тот момент правивший Австрией престарелый император Франц-Иосиф после трагической гибели императрицы и сына уже более 15 лет не бывал в театре. Артисты выражали сожаление, что он не увидит гастролировавшую звезду на сцене. Но император все-таки приехал на спектакль. «Это было целым событием, о котором говорила вся Вена. Император мне много аплодировал, и публика также оказала мне теплый прием», – записала Матильда [5, с. 128].

Особое место в жизни Кшесинской занимала Польша. Полька по крови, она часто ездила в Варшаву, поскольку «кроме артистического успеха имела там большой успех в обществе и весело проводила время» [5, с. 91]. Путешествуя, она стремилась выстроить маршрут таким образом, чтобы, проведя вечер в Варшаве, ночным поездом уехать в Ченстохов и успеть к ежедневному представлению чудотворной иконы Ченстоховской Божьей

Матери, чтимой всей Польшей [5, с. 92]. В Варшаве балерина вместе с собственным отцом танцевала балет «Эсмеральда», обоих встречали как своих. Отметим в скобках, что в возрасте 83 лет Адам-Феликс Кшесинский, также танцовщик, лихо танцевал мазурку, что, по мнению дочери, было «единственным случаем в истории балета» [5, с. 140]. Тело отца, умершего в 1905, Кшесинская (вместе с прахом его матери – своей бабушки) перевезла в Польшу, где они были похоронены в семейном склепе в Понвонске.

В 1911, 1936 и 1951 Кшесинская ездила в Лондон, особенно радостно ей было встретить там в 1951 Тамару Карсавину, с которой они вместе вспомнили старину. Уже в 1911 Лондон поразил Кшесинскую своей элегантностью: «Жизнь в Лондоне мне сразу понравилась своею элегантностью: к обеду дамы всегда выходили в вечерних платьях, а мужчины во фраках» [5, с. 192]. Элегантность англичан виделась балерине во всем, даже в том, как выглядели «два элегантных молодых англичанина», приставленных к ней для того, чтобы охранять ее драгоценности в той поездке в Лондон [5, с. 193].

Традиционно воспринимаемые как сдержанная и чопорная нация, англичане все же уже в 1911 г. подарили балерине тот громкий успех, на который она рассчитывала: «Публика оказала мне чрезвычайно горячий и бурный прием» [5, с. 195]. В 1936 успех был еще более грандиозный: Ковент-Гарден «был переполнен до отказа. Был выведен <...> красный аншлаг с надписью “Все билеты проданы” <...> Прием был мне оказан колоссальный, вызывали 18 раз, что редко встречается в Англии, где публика более сдержанная, чем в России и во Франции» [5, с. 380]. Холодная сдержанность англичан все же не осталась неотмеченной балериной.

Знакомство Кшесинской с Францией началось задолго до ее эмиграции в эту страну. Здесь ее тоже ждал успех, и уже в 1907 г. французское правительство наградило ее серебряными Академическими пальмами [5, с. 153]. Позже великий князь Андрей Владимирович Романов приобрел на имя Матильды виллу в местечке Кап-Д'Ай, куда в 1920 г., спасаясь от революции, она бежала с семьей и окружением. Убегая из России, Матильда не смогла вывезти с собой драгоценности, денег не было, виллу пришлось заложить. Позже, в 1921, после смерти матери великого князя Андрея Владимировича, выступавшей против их брака, они поженились, и Андрей Владимирович официально усыновил Бову, родного сына.

Однажды в эмиграции, когда Кшесинская с мужем и близкими, среди которых была ее свекровь, великая княгиня Мария Павловна, отдыхали в ресторане «Пале-Рояль», с ними произошла такая история. Поскольку других гостей в ресторане не было, оркестр играл для них русскую музыку. С приходом двух английских супружеских пар оркестр стал играть для них американские мотивы. Русские, к недовольству англичан, заказывали русскую музыку, и наоборот: англичане – американскую. В этом «соперничестве» Кшесинская исполнила свой знаменитый русский танец, а Мария Павловна

спела романс «Калитка». Став зрителями их великолепного выступления, англичане «подошли к нам и, став на колени, просили принять от них вино в знак восторга» [5, с. 346–347]. Искусство объединило представителей двух наций. «Это было так трогательно, что мы все объединились в общем веселье», – записала балерина [5, с. 347].

Во Франции жизнь Кшесинской была сопряжена с незнакомыми ей доселе материальными трудностями: в России осталось все, чем владели она и ее муж. Пришлось заложить купленную до революции виллу Кап-Д'Ай во Франции, невыгодно продать полученные в наследство драгоценности, кроме того, недвижимость князя Андрея Владимировича, находившаяся в Польше, с определением новой границы оказалась на территории СССР [5, с. 347–348]. Позже семья переехала в Париж, где балерина открыла танцевальную студию и обучала детей. Она была единственной, кто материально обеспечивал семью. В Париже семья пережила немецкую оккупацию, арест и содержание в лагере сына Владимира. Супруг Кшесинской умер в 1956, а сын пережил ее всего на полтора года и не оставил наследников.

В воспоминаниях Кшесинской мало стереотипов восприятия ею европейских стран. Она хронологически фиксировала конкретные события, поездки, выступления, встречи, образ Европы в ее мемуарах статичен и связан главным образом с ее гастролями и с жизнью в эмиграции во Франции. Большее количество этностереотипов содержится в воспоминаниях ее коллеги – Тамары Карсавиной.

Европа в воспоминаниях Карсавиной

Третью часть своих воспоминаний, озаглавленную «Европа», Тамара Карсавина начинает, описывая стереотипные представления европейцев о России и русских. «Очень мало было известно о нас за пределами нашей страны, – пишет она. – Отдельных, наиболее талантливых представителей нашей нации тепло принимали за границей, но в целом наша обширная страна для типичного западного обывателя по-прежнему оставалась землей варваров. Россия, грубая и изысканная, примитивная и утонченная, страна великих познаний и ужасающего невежества; Россия огромных масштабов, не удивительно, что Европа даже не пытается понять тебя, если даже для своих собственных детей ты остаешься загадкой» [3, с. 203]. В этом суждении, приписываемом Карсавиной европейцам, сконцентрированы характерные стереотипы восприятия России как огромной страны, не поддающейся логическому толкованию, страны, совмещающей в себе яркие противоположности – грубость и изысканность, примитивность и утонченность, ученость и невежество.

В первый же сезон летом 1909 г. «русский балет завоевал Париж, а с ним мировую славу» [4, с. 267]. По воспоминаниям Карсавиной, город

«был потрясен до основания ураганом первого Русского сезона». Даже административный и рабочий персонал театров смотрел на русских «как на сумасшедших». «Эти русские, о ла-ла, все они немного не в своем уме» – шептались они [3, с.209]. Восторг французов выражался даже в том, как в их устах звучали имена русских: они с «какой-то забавной нежностью» произносили фамилии Федорова, Фокина, Шоллар, «сама интонация, казалось, выражала восхищение» [3, с. 218]. Французы смогли прочувствовать яркую самобытность русского искусства, национальный характер русского человека: «Париж был покорен варварской красотой исступленных движений, щемящей тоской бескрайних степей, наивной непосредственностью русских, преувеличенной роскошью Востока» [3, с. 217]. Слава Карсавиной во Франции закрепилась с ее первого выступления там: «Париж полюбил меня, теперь он баловал меня, льстил мне» [3, с. 217].

Представления балерины о Париже были наполнены стереотипами об изысканности, изяществе, но и порочности «города бесконечных развлечений, разврата и греха». В воображении Карсавиной город был преувеличенно элегантен: «улицы с тротуарами, похожими на паркет бальных залов, по которым прогуливались только нарядные дамы в шуршащих шелковых юбках» [3, с. 208]. Но действительность оказалась другой: в Париже ей встречались в основном «рабочие и симпатичные толстые хозяйушки в неописуемых шалях и туфлях со стоптанными каблуками» [3, с. 208]. Готовясь к поездке, Карсавина принарядилась по последнему писку моды, боясь выглядеть в Париже провинциалкой. Прогуливаясь однажды, она заметила, что французские мальчишки, стихнув, уставились ей вслед. Балерине подумалось, что те над ней смеются [3, с.209]. Однако их слова «Она хорошенькая и шикарная» убедили ее в обратном.

Подобный успех ждал «Русские сезоны» и в Германии. «Русский балет пользовался здесь таким же успехом, как и в Париже. И принимали нас с не меньшим восторгом» [3, с. 243], – вспоминала Карсавина.

Другой визит Карсавиной в Германию совпал с началом I Мировой войны. «Приехав в Берлин, я стала свидетельницей панического бегства русских на родину», – записала она [3, с. 270]. Война была объявлена, когда балерина возвращалась в Россию. Поезд, на котором она ехала, был остановлен и направлен обратно в Берлин. Карсавина невольно сравнивала эту ситуацию с прошлым опытом пребывания в Германии, когда она размышляла о контрасте между российским безалаберным и немецким педантичным ведением сельского хозяйства (этот контраст типичен для восприятия русским человеком всего немецкого), о том, что в мирное время любой немецкий носильщик был любезен с русскими гостями, но теперь «оказалось жестокой насмешкой добраться до родины, видеть ее и быть отправленной назад, но с немецким офицером не споришь» [3, с. 270].

Карсавина брела к русскому посольству по знаменитой улице Unter den Linden. Асфальт был покрыт «грудами скомканных прокламаций», на витринах пестрели «карты будущей Германии», кругом безумствовала «килевшая ненавистью» толпа. Посольство, с опущенными ставнями, казалось теперь «домом мертвца» [3, с. 271], хотя совсем недавно в честь немецкого кайзера тут был дан бал. Русские спешно покидали Германию, добавить имя балерины к списку уезжающих посольским поездом не смогли. Возвращение Карсавиной на родину через Голландию и Англию заняло у нее около месяца. Разразившаяся война подняла в России волну забытого патриотизма. Всё немецкое искоренялось: Петербург переименовали в Петроград.

После Революции Карсавина обосновалась в Англии. Этому способствовали и ее популярность в этой стране, и тот факт, что ее мужем был англичанин Генри Брюс, служивший до революции дипломатом в России. У супругов был сын Никита.

Первые гастроли Карсавиной в Лондоне были в составе «Русских сезонов» Дягилева. Тогда она не знала ни слова по-английски, хотя и любила Диккенса. Адаптация балерины в новой стране проходила трудно – она болезненно переносила акклиматизацию, скептически относилась к англичанам, переживала из-за незнания языка. «*Мое незнание английского языка, – писала балерина, – причиняло мне массу неудобств*». Не умея четко произнести название улицы, она часто терялась в городе, не запоминала имена людей [3, с. 248].

Однако Карсавиной встречалось много по-доброму относившихся к ней людей, делавших ее жизнь на чужбине проще. Среди них – Артур Эпплин, автор первой книги о русском балете на английском языке, леди Рипон, покровительствовавшая «Русским сезонам» и русским артистам балета, английский импресарио Карсавиной Маринелли, англичанка-костюмерша, обучавшая ее английскому языку, в результате чего та на начальном этапе овладела полезными выражениями и могла ориентироваться в окружающей обстановке. Позже друг Карсавиной Хью Уолпол всерьез обучал ее английскому и познакомил с английской литературой. По ее собственному признанию, «*самим тем фактом, что смогла написать эту книгу*», она была обязана именно Уолполу (воспоминания были написаны ею по-английски). Обучение происходило не без забавных случаев. Так, получив однажды в подарок сумочку из кожи свиньи, она воскликнула: «*Посмотрите на мою сумку, это же настоящая свинина!*» [3, с. 279].

Со временем Карсавина свыклась с Англией и привязалась к ней. О Лондоне она говорила: «*Часто выступая здесь, я его полюбила. Теперь я пишу симпатию даже к его зимним туманам*» [3, с. 269]. Убедилась она и в «*действенной доброте сердца, присущей англичанам*». Изначально «*настроенная не видеть ничего хорошего в окружающем, в этом вопросе (о доброте англичан. – Е.П.) я все же не ошиблась. Теперь же от моих пре-*

дубеждений не осталось ничего» [3, с. 226]. Так в восприятии балериной Англии произошла положительная трансформация.

И все же в воспоминаниях балерины явно звучит ностальгия по России: «И все же очень жаль, что здесь нигде не видно персидской герани и на окнах нет горшочеков с бальзаминами, а настурции считаются вульгарными цветами. Лондон абсолютно подходил бы мне, если бы от него можно было пешком дойти до моего родного города и Театральной улицы» [3, с. 226].

Так же, как Кшесинская, Павлова и многие другие, Карсавина основала в эмиграции свою школу танца и преподавала в ней. Никогда более не побывав в России, она умерла в Лондоне, с любовью, но и с легкой иронией отзываясь об Англии: «Удочерившая меня страна, ты великодушна и бесконечно терпима к иностранцам, но в глубине души всегда немножко удивляешься, когда видишь, что иноплеменник пользуется ножом и вилкой точно так же, как ты. Ты с готовностью прощаешь необъяснимые странности чужеземцев, но ты никогда не примешь чужеземца всерьез до тех пор, пока какой-нибудь заслуживающий доверия поручитель не представит его тебе» [3, с. 246]. В этих строках чувствуется традиционное для русских восприятие англичан как сдержанной, невозмутимой, несколько надменной нации.

Историк балета Схейен считает воспоминания Карсавиной вершиной мемуарного жанра на тему «Русских балетов». «Читая ее мемуары, – пишет он, – видишь перед собой творческую личность с горячим сердцем, стремящуюся к гармонии» [8, с. 224].

В воспоминаниях Карсавиной гораздо больше стереотипов восприятия Европы, чем у Кшесинской: она не только описывает происходящие с ней события, но пытается давать характеристики новых для нее стран и народов, рассуждает об изысканности французов, хозяйственности немцев, холодности англичан. Причем ее стереотипы восприятия европейцев со временем трансформируются: французы больше не кажутся ей идеалом изящества, за сдержанностью англичан она находит их добре сердце, а немцы в разгар войны предстают не такими степенными, какими она их знала.

В воспоминаниях обеих балерин большое внимание уделяется их адаптации в новой стране, особенно материальным трудностям (Кшесинская) и трудностям приспособления в иноязычной среде (Карсавина). Обе ностальгируют по России: Карсавина – вспоминая о привычных в России, но отсутствующих в Англии цветах, например, сирени, герани, бальзаминах; Кшесинская – когда в 1950-х она попадает на выступление гастролей Большого театра и видит сохранившуюся русскую балетную школу, в традициях которой сама воспитывалась.

Судьба обеих балерин сложилась так, что они много гастролировали по Европе и прожили несколько десятков лет в эмиграции. Пик их карьеры пришелся на время, когда Европа открыла для себя русское искусство, Кшесинская и Карсавина были его «лицом» в области балета. Однако в историю

они вошли не только как талантливые балерины, но и как авторы уникальных воспоминаний, в которых отразились глобальные события России и всего мира – Революция 1917 г., I и II Мировые войны. Эти воспоминания позволяют нам увидеть Европу глазами современников описываемых событий.

Список литературы

1. *Веденникова М. А.* Балет как социокультурный феномен (к 100-летию русских балетных сезонов С. П. Дягилева): монография. Москва: Экон-Информ, 2010. 160 с.
2. *Веденникова М. А.* Русский балет в контексте взаимосвязи традиций и новаций Серебряного века: монография. Москва: Экон-Информ, 2012. 259 с.
3. *Карсавина Т.* Театральная улица. Воспоминания. Москва: Центрполиграф, 2010. 319 с.
4. *Красовская В. М.* Русский балетный театр начала XX в. Ленинград: Искусство, 1971. 526 с.
5. *Киесинская М.* Воспоминания. Москва: Центрполиграф, 2005. 415 с.
6. *Носова В.* Балерины. Серия ЖЗЛ. Москва: Молодая гвардия, 1983. 286 с.
7. *Рославлев Н. П.* Английский балет. Москва: Музгиз, 1959. 170 с.
8. *Схейен Ш. Дягилев.* «Русские сезоны» навсегда. Москва: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2013. 608 с.
9. *Хоманс Дж.* История балета. Ангелы Аполлона. Москва: АСТ, 2020. 592 с.
10. *Roslavleva N.* Era of the Russian Ballet, 1770–1965 / foreword by Ninette de Valois. London: Gollancz, 1966. 320 p.